

ДИСКУССИЯ

УДК 910.1

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*В. Л. Мартынов**

Социально-экономическая география — наука, изучающая процессы, особенности и закономерности пространственного развития общества. Но в последние десятилетия она находится в состоянии кризиса. Факторы, определяющие снижение значения социально-экономической географии, можно разделить на внешние и внутренние. Основной внешний фактор — формирование «общества потребления», которое не нуждается в освоении новых пространств и потому игнорирует самую «пространственную» науку — географию. Внутренние факторы — это размывание социально-экономической географии по множеству новых направлений исследований, фактически представляющих собой пересказ уже сделанного в других науках, и некритичное использование теоретико-методологического аппарата и методики исследования из других наук. Основу социально-экономической географии должны составлять собственно пространственные исследования, и только в этом случае эта наука имеет шанс на восстановление своих позиций.

Ключевые слова: социально-экономическая география, кризис, устойчивое развитие, «общество потребления», региональная экономика, «центр — периферия», геополитика, геопространство

* Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Россия, Санкт-Петербург,
Набережная реки Мойки, 48

Поступила в редакцию 12.01.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-2-8

© Мартынов В. Л., 2015

Социально-экономическая география (СЭГ) — это наука, изучающая процессы, особенности и закономерности пространственного развития общества. Но в последние десятилетия она находится в состоянии кризиса. В самом этом утверждении ничего нового нет. Кризисность в развитии российской СЭГ осознана

и описана давно: 1992 г. — «...Особенно заметна ограниченность теоретического наследия в области общественной географии, отсутствие в ней... ярких общих концепций» [7, с. 5], 2000 г. — «География почти не участвует в анализе макропроцессов миросистемного развития, так как находится в определенном концептуальном вакууме, связанном с дефицитом комплексных ориентиров, отражающих натиск времени» [21], 2011 г. — «В современной социально-экономической географии... процесс накопления негативных явлений начался в прошлом столетии, первая половина которого стала «расцветом» экономической географии, а вторая — «погоней» за ускользающим предметом познания в быстро меняющейся стране и мире» [24].

В России социально-экономическая география стала почти что «маргинальной» наукой с крайне малым числом представителей и практически никаким уровнем воздействия на жизнь страны. Об этом можно судить хотя бы по сведениям, сообщаемым А. А. Агирречу: «По данным Министерства науки и образования РФ, в конце 2013 г. в стране действовало более чем 2,5 тыс. диссертационных советов. Лишь 10 из них имеют специальность по социально-экономической географии — это очень скромный показатель». И далее: «Оценочный подсчет числа объявлений о защитах кандидатских и докторских диссертаций на сайте ВАКа за 2012—2013 гг. показал, что всего в стране за два года было защищено около 4 тыс. докторских и более 26 тыс. кандидатских диссертаций. При этом по географическим наукам — всего 26 (0,7%) докторских и менее 300 (0,8%) кандидатских. ...За последние два года примерно каждая четвертая докторская диссертация по географическим наукам была защищена по специальности 25.00.24, а среди кандидатских диссертаций — почти каждая третья работа» [1, с. 152—153].

Таким образом, диссертации по СЭГ защищаются в 0,004% диссертационных советов России, на долю докторских диссертаций по этой науке приходится менее 0,2% от общего количества докторских защит страны, а кандидатских — менее 0,3% от числа кандидатских защит. Если пытаться вывести из этих показателей нечто среднее, то оно будет укладываться в пределах статистической погрешности, другими словами — «ноль и ноль в периоде». Соответственно существование социально-экономической географии как науки мало кому интересно, кроме ее же представителей. Перспективы развития географической науки в целом и социально-экономической географии в частности крайне редко оцениваются положительно. А. И. Чистобаев писал в 2012 г., характеризуя положение дел в Санкт-Петербургском государственном университете: «В условиях дефицита докторов географических наук на факультет (географии и геоэкологи. — *Примеч. авт.*) все чаще привлекаются специалисты из других областей знания: геологии, биологии, экономики и др. ...При сохранении данной тенденции на факультете не будет диссертационных советов по географическим специальностям. Это означает, что географическая наука прикажет долго жить» [23, с. 22].

Возникает вопрос: не превратилась ли социально-экономическая география в некий аналог «паровозостроительной науки», достигшей фантастических высот к середине XX в. и навсегда исчезнувшей вместе с объектом своих исследований уже в 60-е гг.? Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, следует для начала понять, что же привело социально-экономическую географию в нынешнее ее незавидное состояние. Факторы, этому способствовавшие, можно разделить на две группы — внешние и внутренние.

Внешние — это «общественный запрос» на экономико-географические исследования. Значение экономической, затем социально-экономической географии, было максимальным тогда, когда общество стремилось к переменам, и сходило на нет в то время, когда приоритетом развития провозглашалась стабильность и устойчивость. Если говорить о XX в., то максимальный общественный запрос на экономико-географические исследования формировался дважды — в 20—30-е гг. и примерно с середины 50-х до конца 60-х гг.

Как в 20—30-е гг., так и во второй половине 50-х — 60-е гг. в СЭГ появляется множество новых концепций и подходов. Разбирать их большого смысла не имеет, поскольку неспециалистам это мало что скажет, а специалистам они давно и хорошо известны. Всех же интересующихся этим вопросом можно адресовать к серии статей А. М. Носова, опубликованных в последние годы в «Псковском регионалогическом журнале» [14—17].

Но во второй половине 60-х гг. XX в. темпы развития социально-экономической географии резко снижаются, ее значение сокращается, и эта наука в значительной мере уступает свое место разнообразным «региональным наукам», созданным на основе экономики («региональная наука» У. Айзарда в США, «региональная экономика» Н. Н. Некрасова в СССР и др.).

Причины этих изменений заключаются в смене парадигм общественного развития. В те годы, на которые приходится расцвет социально-экономической географии, основой представлений о дальнейшем развитии была идея «мир должен меняться», которую можно обозначить как «преобразовательная парадигма». Это было характерно и для 20—30-х, и для 50—60-х гг. На смену «преобразовательной парадигме» пришла «охранительная парадигма» — «мир не должен меняться», «квинтэссенцией» которой стала концепция пределов роста, трансформировавшаяся со временем в концепцию устойчивого развития. Основной идеей как концепции «пределов роста», так и концепции устойчивого развития является сохранение ныне существующего состояния общества и экономики на неопределенно долгую перспективу, а основной путь такого сохранения — «самоограничение» общества во всех направлениях деятельности.

Уже в то время эту идею пытаются реализовать в обеих частях тогдашнего разделенного мира — и в капиталистической, и в социалистической. Проявлением этого в социалистической части мира стала концепция «развитого социализма», получившая широкое распространение после XXIV съезда КПСС (1971 г.).

Большой интерес представляет эволюция взглядов советского руководства, фактически руководившего и большей частью «социалистического лагеря», на место стран «реального социализма» в системе тогдашнего мироустройства. Это хорошо прослеживается по решениям съездов КПСС, на которых определялись пути развития советского и вообще «социалистического» общества. Если на XXII съезде КПСС (1962 г.) утверждалось, что главное содержание периода после XX съезда КПСС составляет соревнование двух мировых систем — социалистической и капиталистической [26, с. 17], то на XXIII съезде (1966 г.) говорилось лишь о росте международного влияния Советского Союза и всей мировой системы социализма [27, с. 19], а на XXIV съезде (1971 г.) — о том, что Советский Союз и братские социалистические страны внесли большой и активный вклад в борьбу за мир и безопасность народов [28, с. 26]. На XXV съезде было сказано, что сделано все возможное для обеспечения условий мирного строительства в нашей стране и в братских странах социализма, для мира и безопасности всех народов [29, с. 27]. Если пытаться описать проявляющуюся в этих решениях эволюцию взглядов партийно-государственного руководства СССР, то она выглядит примерно так: от «мы вас закопаем» до «не трогайте нас, и мы вас не тронем».

На протяжении 70-х гг. Советский Союз добровольно отказывается от борьбы с «капиталистическим миром» за пределами «социалистического лагеря», самоограничивая свое влияние во внешнем мире. Однако ничего хорошего из этого не получилось. С конца 80-х гг. «самоограничение роста» принимает характер «самоотречения». Сфера влияния СССР, созданная после Второй мировой войны, начинает рушиться и спасти ее не удастся никакими миролюбивыми инициативами. В 1990 г. прекращается существование Германской Демократической Республики, начинается вывод советских войск из зарубежной Европы, в 1991 г. исчезает Советский Союз. После этого на всем пространстве бывшего Союза, включая Россию, стихийно начинают реализовываться концептуальные подходы «пределов роста». Прекращается столь раздражающий ее создателей и пропагандистов рост численности населения. В большинстве бывших республик СССР смертность на протяжении более чем двадцати лет превышает рождаемость. Резко снижается потребление ресурсов всякого рода вследствие того, что экономика постсоветских стран входит в состояние глубокого кризиса, из которого она полностью не вышла до настоящего времени. Сокращается уровень загрязнения окружающей среды, поскольку значительная часть промышленных предприятий останавливается, а разоряющиеся сельскохозяйственные предприятия используют все меньше и меньше удобрений.

С точки зрения концепции «пределов роста» и сменяющей ее как раз в это время концепции «устойчивого развития» все это, видимо, можно оценить лишь положительно, поскольку и численность населения, и потребление ресурсов, и загрязнение среды обитания в России и других постсоветских странах в 90-е гг. постоянно и устойчиво снижались. Но у подавляющего большинства населения нашей страны 90-е гг.

ассоциируются вовсе не с «устойчивостью развития», а с всеобщим обнищанием, а также деградацией государства и общества. Ни о какой «устойчивости развития» и «гармонизации отношений общества и природы» не могло быть и речи. Красивые псевдотеоретические построения о «самоограничении потребления» и «смене количественного роста качественным развитием» при их применении на практике обернулись катастрофой общенационального масштаба.

В качестве положительной тенденции следует отметить то, что в последние годы концепция «устойчивого развития» стала все чаще подвергаться критике. Так, по утверждению В. А. Шупера, «особо следует остановиться на такой «области науки», как исследования устойчивого развития, поскольку эта область обладает явными признаками псевдонауки» [25, с. 25]. Что же привело к возникновению этой псевдонауки и ее широчайшему распространению?

Тяга к определению «пределов роста» и «устойчивому развитию» связана со все более усиливающимися тенденциями к формированию общества потребления. «Идеальному потребителю» совершенно не нужны новые горизонты. Его призывают, да он и сам не против, жить «здесь и сейчас» в условиях максимально возможного комфорта. Отношения «общества потребления» к пространству-времени гениально описано А. и Б. Стругацкими в повести «Понедельник начинается в субботу». Ее, конечно же, читали все, но цитата здесь не помешает: «...Я говорил ему тысячу раз: «Вы программируете стандартного суперэгоцентриста. Он загребет все материальные ценности, до которых сможет дотянуться, а потом свернет пространство, закуклится и остановит время». А Выбегалло никак не может взять в толк, что истинный исповин духа не столько потребляет, сколько думает и чувствует» [20].

Нечто подобное (стремление к «закукливанию» пространстве и «остановке» времени) может быть свойственно не только индивидууму, но и общественным структурам, включая государство. По приведенным выше цитатам из решений съездов КПСС нетрудно заметить, что партийно-государственное руководство СССР в последние десятилетия его существования стремилось именно к тому, что оно «свернет пространство, закуклится и остановит время». Итогом этого стало то же самое, что происходит в книге братьев Стругацких с «идеальным человеком» профессора Выбегалло — взрывное разрушение системы.

Но коль скоро идеология общества потребления не приемлет «расширения пространства», поскольку такое расширение этому обществу просто не нужно, то столь же ненужной становится и наука, изучающая свойства этого пространства — география.

Образно выражаясь, география — это «наука путешественников», «наука идущих». Она выросла из описаний путешествий, обобщений и систематизации того, что в них рассказывалось, и анализа этих обобщений. Экономика возникла как «наука лавочников», «наука сидящих». Экономика начиналась с анализа, пусть поначалу и примитивного (дешевле купить — дороже продать), вслед за этим переходя к систематизации, а затем уже к фактам. Такой последовательностью формирова-

ния экономической науки во многом объясняется изобилие экономических теорий, каждая из которых попросту игнорирует неудобные для нее факты. Но все эти теории провозглашают себя универсальными, пригодными для всего мира и на все времена.

Естественно, для общества потребления, стремящегося к «окукливанию пространства и остановке времени», экономические подходы намного более понятны и востребованы, чем географические, основу которых составляют представления об уникальности и неповторимости каждой, пусть даже самой небольшой, части геопространства. Как совершенно справедливо утверждает С. А. Тархов, «главное, что ищет экономико-географ, это закономерности пространственного распределения объектов и явлений, их пространственного взаимодействия друг с другом, факторов и причин формирования именно таких пространственных (территориальных) структур» [22, с. 12].

Во многом вследствие этого социально-экономическая география не имела к бурным событиям конца XX — начала XXI в. почти никакого отношения. Среди людей, «принимавших решения» в ключевых странах мира, не было никого, кто бы знал географию сверх школьного курса. Вполне возможно, что если бы людей, знающих географию в целом и социально-экономическую географию в частности, среди руководителей высшего звена было больше, то и наша страна, и весь мир жили бы лучше и спокойнее.

Простой пример в этом отношении — радикальные реформы, осуществляющиеся в Российской Федерации с начала 90-х гг. Все преобразования в самых разных направлениях деятельности, от экономики до обороны, одновременно и единообразно проводились по всей территории России. Но последствия их были совершенно различными просто потому, что регионы России очень сильно отличаются друг от друга. И если для Москвы социально-экономические реформы последних десятилетий имели в целом положительный результат, то даже для Петербурга их воздействие трудно оценить столь же однозначно, а многие части страны в ходе этих реформ пострадали так сильно, что их восстановление займет десятилетия даже в том случае, если оно вообще начнется.

«Пространственный фактор» развития страны ее руководством при проведении реформ никаким образом не принимался и не принимается во внимание. У нас, в отличие от других стран мира, в том числе и постсоциалистических (например, Польши — см. [12]), фактически отсутствует программа пространственного развития страны. Да и сам термин «пространственное развитие» практически не используется в официальных документах. А если пространственного развития вроде как и не существует, значит, социально-экономическая география ни для чего не нужна.

Однако не следует считать, что в столь сложном положении социально-экономическая география оказалась исключительно из-за воздействия неблагоприятных внешних факторов. Значение внутренних факторов, то есть особенностей развития самой науки, было по крайней мере не меньшим.

Главная проблема СЭГ — ее «растекание» по множеству научных дисциплин и направлений под влиянием других наук. Иногда утверждается, что «научное пространство экономической географии устраняет четкие границы, более того, следует поощрять междисциплинарный подход для модернизации теоретико-методологических и концептуальных представлений» [5, с. 61].

Поощрение междисциплинарного подхода — это, конечно, хорошо. Но в случае СЭГ очень часто получается, что «междисциплинарность» исследований проявляется лишь в добавлении приставки «гео-» к названию какой-либо другой науки, из которой и черпаются и подходы, и методы, и содержание исследований. Устранение же четких границ науки приводит к тому, что она просто перестает быть наукой.

Например, в последние годы появилось большое количество исследований по «поведенческой географии», «географии восприятия» и другим подобным направлениям, где географы явно не могут претендовать на какие-либо научные открытия, а их исследования имеют либо вторичный, либо дилетантский характер, либо то и другое вместе. Ведущая роль здесь принадлежит культурологии, филологии, психологии и др. В качестве примера вполне успешных региональных культурологических исследований можно привести серию трудов «Поликультурное пространство регионов России» (см., например, [8; 9]). Границы СЭГ в результате этой «культурно-когнитивно-филологической инвазии» размылись так, что одни представители этой науки с трудом понимают или вообще не понимают, что именно исследуют другие. Возможно, подобного рода исследования следует осуществлять в рамках какой-то новой, специально для этого созданной научной дисциплины, поскольку, скажем, география машиностроительного комплекса и «география суффиксов и префиксов» никак не могут быть признаны разными направлениями одной науки.

В целом основная теоретическая проблема социально-экономической географии заключается в том, что мы пытаемся развивать свою науку, опираясь на теорию, методологию и методику других наук. Особенно сильно сказывается влияние экономики, социологии и политологии.

Чрезмерная «экономизация» отечественной социально-экономической географии началась уже в 30-е гг. В 50—80-е гг. она проявилась в дискуссии о значении производственных отношений для размещения производительных сил. Но еще в начале 60-х гг. была высказана мысль о том, что производственные отношения вообще не относятся к сфере ведения экономической географии: «Размещение общественного производства представляет собой вечный процесс, неизбежный при любом способе производства» [2, с. 198].

К сожалению, это утверждение было совершенно забыто и практически не нашло себе применения в дальнейшем. А жаль, потому что опора на него позволяет очень четко определить приоритеты экономической географии, заключающиеся в выявлении процессов, тенденций и закономерностей размещения экономических объектов. Экономическая география однозначно должна заниматься пространственной струк-

турой экономики, организационная структура вне сферы ее компетенции. Принадлежит ли, скажем, Норильский горно-металлургический комбинат Министерству цветной металлургии СССР или концерну «Норильский никель», не должно иметь для СЭГ большого значения, поскольку местоположение комбината, а также условия и факторы его существования от этого никак не меняются.

Кроме этого, объектом исследований экономической географии может быть лишь то, что реально существует в географическом пространстве — предприятия, учреждения, пути сообщения, города, государства и т. д. То, что существует лишь в «виртуальной реальности», для географии интереса представлять не должно. Так, например, «география инвестиций» вряд ли может рассматриваться в качестве научного направления в рамках СЭГ. Инвестиции однозначно представляют собой объект экономических, а не географических исследований, поскольку сами по себе они никак в геопространстве не проявляются. А вот если благодаря этим инвестициям появляются некие реально существующие объекты, то их СЭГ изучать не только может, но и должна.

Однако на данный момент экономико-географические исследования — очень большая редкость. Социально-экономическая география практически упустила пространственные перемены в российской экономике 90-х гг. — начала XXI в. Восстановление промышленного производства в России после кризиса 90-х гг. проявилось первоначально в усилении концентрации производства и соответственно специализации регионов [13], вслед за этим начался процесс территориальной дифференциации. Научных трудов по проблемам трансформации экономического пространства России, в которой представители СЭГ могли бы занять лидирующие позиции просто потому, что никто больше этим не занимается, было немного.

Ключевое понятие собственно экономической географии — «территориальное разделение труда», а основное направление исследований — место того или иного предприятия или региона в этой системе. С появлением и развитием транснациональных корпораций (ТНК) возникло мнение о том, что само понятие «территориальное разделение труда» в условиях экономической глобализации должно исчезнуть, поскольку, дескать, заводы в разных частях мира принадлежат одной и той же компании. Но ТНК потому и стали «транснациональными», что они создают в разных странах специализированные предприятия, каждый из которых без других предприятий той же ТНК не имеет никакого смысла. Тем самым лишь усиливая процесс территориального, в данном случае — международного, разделения труда.

Следует осознать, что как только представители СЭГ «отрываются» от пространственных проблем и процессов развития экономики и начинают разбирать себестоимость производства, величину транспортных издержек и вообще любые стоимостные показатели, они сразу же начинают проигрывать ученым-экономистам потому, что экономисты «вести бухгалтерию» умеют обычно гораздо лучше, чем географы. А социально-экономическая география очень часто не только «уходила» именно в такие подсчеты, но ими и ограничивалась.

Социологизация особенно быстро стала утверждаться в социально-экономической географии с 90-х гг. XX в. Это было связано с широким распространением теоретических подходов, разработанных в рамках модели «центр — периферия». Основы этой модели были изложены Джоном Фридманом в конце 60-х гг., у нас в стране они получили широкое распространение в начале 90-х гг. Первые оценки этой модели, данные еще в конце советского времени, были зачастую совершенно некритичными и даже пафосными: «...модель Фридмана... отражает универсальный характер распространения по территории радикальных инновационных процессов, независимо от того, какой пространственный уровень мы рассматриваем...» [6, с. 92] (чем-то напоминает «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно»).

Модель «центр — периферия» в сущности — это всего лишь модификация общеизвестной идеи «героя и толпы». Главным недостатком модели «центр — периферия» является то, что она представляет собой одно из проявлений бинарной парадигмы, которая «превращает картину мира в совокупность парных отношений, утрачивая тем самым перспективу развития целостности... Бинаризм — агрессивен... Диктуя схему «либо — либо», он порождает гибельную идеологию антагонизма...» [3, с. 353]. Ввиду того, что реальные геопространственные системы далеки от бинарных, в модель «центр — периферия» пришлось вводить третий элемент, «полупериферию». Вслед за этим появилось деление всех трех составляющих модели на «внутренние» и «внешние» части (внутренняя периферия, внешняя полупериферия и т. д.), при этом границы не то что между этими частями, но и между тремя основными составляющими модели (центром, полупериферией, периферией), как правило, не определяются.

Можно утверждать, что модель «центр — периферия» в географических исследованиях вообще неприменима, за исключением изучения систем политико-административного деления. В пределах геопространства нет участков, которые можно однозначно определить как «центр» или «периферию» для всех без исключения направлений деятельности. Без труда можно выделить более и менее заселенные территории, регионы, отличающиеся по природным условиям и ресурсам, транспортной доступности, уровню доходов населения, привлекательности для внутренних и внешних миграций и другим показателям. Но «центры» и «периферии», выделенные исходя из разных показателей и/или определенные с помощью разных методов, не совпадают друг с другом.

Например, в нынешней России по экономическим показателям к числу центров наряду с Москвой относятся, в частности, «нефтяные» и «газовые» города Западной Сибири — Сургут, Нижневартовск, Новый Уренгой, Надым и другие. Если выстраивать «центр — периферическую» систему регионов страны, исходя из доходов населения, то все эти города несомненно будут принадлежать к центру. Но вряд ли многие жители России согласятся с тем, что Ханты-Мансийский (ХМАО) и Ямало-Ненецкий автономные округа (ЯНАО) являются «центром страны», а, скажем, далеко от них отстающие по экономическим показателям Псковская, Новгородская или Тульская области — «периферией».

Заработки в Сургуте (среднемесячная начисленная заработная плата по ХМАО в 2013 г. — 50 841,3 руб.) или Новом Уренгое (ЯНАО — 63 696,3 руб. в 2014 г.) намного выше, чем в Санкт-Петербурге (32 930,2 руб. в 2013 г.) (сведения о среднемесячной начисленной заработной плате по [18]). Но почему-то в желающих переселиться навсегда из западносибирских городов в С.-Петербург недостатка нет, а вот в обратном направлении переезжать никто не торопится. Соответственно, «центр — периферические» отношения приобретают совершенно иную направленность.

В физической географии есть понятие природной зональности. Вся планета делится на природные зоны — от экваториальной зоны до зоны арктических пустынь. Природные зоны делятся на подзоны, их части с учетом тектонического строения и рельефа объединяются в физико-географические страны, последние делятся на провинции, далее на ландшафты и более мелкие природно-территориальные комплексы. Природная зональность осложняется высотной поясностью. Но ни на каком пространственном уровне в географической оболочке Земли не прослеживается отношений «центр — периферия», все части этой оболочки имеют равное значение.

Еще один пример из физической географии — понятие «катена» (см., например, [4]), широко используемое в ландшафтоведении. Катены представляют собой сочетание структурно-динамических элементов ландшафта между водораздельными равнинами и долинами рек, взаимодействующих между собой благодаря потокам вещества, перемещающимся сверху вниз и определяющим особенности каждой из катен. Но ни одна катена не является центральной или периферийной. И вряд ли кто-то сможет дать ответ на вопрос, какие формы рельефа более центральны — денудационные или аккумулятивные.

Если мы принимаем то, что основу СЭГ составляют исследования географического пространства (географическая оболочка плюс люди и формируемая ими искусственная среда обитания), то следует исходить из такой же «равноправности» частей этого пространства. Каждая часть геопространства уникальна, и в выявлении этой уникальности, собственно, и состоит основная задача СЭГ. Шаблонные подходы, априори объясняющие особенности той или иной территории ее «центрально-стью» или «периферийностью», следует оставить представителям других наук, в данном случае — социологии.

Влияние политологии на развитие социально-экономической географии проявилось в первую очередь в широком внедрении в СЭГ геополитических идей, концепций и подходов, особенно активно происходившем в 90-е гг. XX в. Геополитика к географическим наукам не относилась никогда. Собственно, она и вообще к науке не относилась и не относится. Это типичная лженаука, сходная по своим основаниям с астрологией. Но если астрологи придают мистическое значение взаимному расположению небесных тел, по крайней мере реально существующих, то геополитики «анализируют» взаимное расположение ими же выдуманных «точек», «линий» и «ключевых территорий». Все геополитические построения всегда были и остаются бездоказательными.

Х. Маккиндер, считающийся основателем геополитики, в своем первом труде «Географическая ось истории», вышедшей в 1904 г., писал: «Разве не является осевым регионом в мировой политике этот обширный район Евро-Азии?...Россия заменяет Монгольскую империю. Ее давление на Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию, Индию и Китай заменило собой исходившее из одного центра набеги степняков...». И далее: «За пределами этого осевого района существует большой внутренний полумесяц, образуемый Германией, Австрией, Турцией, Индией и Китаем, и внешний — Британия, Южная Африка, Австралия, Соединенные Штаты, Канада и Япония» [10].

«Осевой район», «внутренний полумесяц», «внешний полумесяц» — это выглядит весьма впечатляюще, но совершенно никак не обосновывается и не определяется, представляя собой набор слов, даже чисто внешне сходный с рассуждениями астрологов. В своем труде 1919 г. «Демократические идеалы и реальность» Маккиндер чередует банальные утверждения в духе «Волга впадает в Каспийское море» (буквально — «Реки Волга и Урал впадают в бессточное Каспийское море, а Сырдарья и Амударья впадают в бессточное Аральское море» [11, с. 140]) с якобы основанными на них выводами: «На протяжении XIX столетия царская Россия разрасталась внутри Хартленда и стала угрожать всем окраинным территориям Азии и Европы» [11, с. 143]. Сочетание фактов из школьного учебника географии с «глобальными» измышлениями («если Волга впадает в Каспийское море, значит, Россия представляет угрозу остальной Европе и Азии»), со времен Маккиндера стало основой геополитических построений и является им до настоящего времени, в том числе и в трудах отечественных «геополитиков», включая представителей «патриотического» направления.

Внешняя простота и наглядность геополитических «конструкций» способствовали широчайшему распространению геополитики и формированию убеждения в том, что с помощью этой псевдонауки можно решить большую часть проблем современного мира, в том числе и пространственных. Существует даже Академия геополитических проблем. Впрочем, существует и Московская академия астрологии.

Здесь также можно вспомнить братьев Стругацких, которые во многих своих фантастических произведениях с фантастической же точностью показали жизнь нашего общества: «За пивом говорили о том, о сем, и как-то между делом выяснилось, что Мак за последние полчаса одолел учебник по геополитике. <...> Гай... раскрыл учебник наугад, нашел в конце главы контрольные вопросы и спросил: «В чем заключается нравственное благородство экспансии нашего государства на север?» Мак ответил своими словами... и добавил, что на его взгляд нравственное благородство здесь ни при чем. <...> «А каково удельное демографическое давление в устье Голубой Змеи?» — спросил Гай. Мак назвал цифру, назвал погрешность и не преминул добавить, что понятие демографического давления кажется ему смутным. Во всяком случае, он не понимает, зачем оно введено» [19].

Отечественные не то что учебники по геополитике, но и геополитические статьи в разнообразных научных и околонаучных изданиях большей своей частью как раз находятся на уровне «нравственного благородства экспансии нашего государства на север» и «удельного демографического давления в устье Голубой Змеи». Подобного рода работ очень много, ссылаться на часть из них, значит, «обидеть» остальных, и многие читатели этой статьи в состоянии самостоятельно вспомнить пару — тройку статей и даже книг подобного рода, попадавших им на глаза в последние годы. Следует отметить и то, что ученые-астрономы как-то брезгают использовать в своих работах астрологические трактаты. Но в социально-экономической географии псевдонаучные геополитические измышления почему-то используются очень широко.

Внешние факторы, воздействующие на социально-экономическую географию, силами самих географов, конечно, не преодолеть. Можно лишь ждать, когда общество вновь предъявит спрос на экономико-географические исследования. Когда это случится, естественно, угадать нельзя. Но с действием внутренних факторов, частично разобранных выше, бороться можно и нужно. Для начала следует вспомнить, что ключевым понятием социально-экономической географии является географическое пространство — не «виртуальное» и не «образное», а самое что ни на есть конкретное, понимаемое как среда обитания человека. И двунаправленная система отношений «человек — пространство» должна стать основным объектом экономико-географических исследований.

Эта система отношений проявляется в формировании пространственной структуры общества на разных уровнях. Очень интересен и до настоящего времени недостаточно проработан вопрос о причинах и процессах формирования этой структуры. Формируется эта структура в результате расселения людей. Расселение, понимаемое как структура и как процесс, происходит в результате перемещения людей в пределах географического пространства. Перемещение это происходит в результате того, что люди добиваются в процессе расселения различных целей.

«Человека биологического» более всего привлекают благоприятные природные условия. Благоприятность этих условий для представителей разных цивилизаций различна, но для индивидуумов, принадлежащих к европейской цивилизации, эталоном природных условий можно считать Средиземноморье. Наиболее близкие к этому регионы современной России — Черноморское побережье Кавказа и Южный берег Крыма. «Человеку биологическому», как правило, ничего от общества еще или уже не надо. Этим объясняется повышенная доля пожилого населения в наиболее благоприятных с точки зрения природных условий регионах разных стран (Франция — Лазурный берег, США — Флорида и Калифорния), а также в других странах, где жизнь дешевле, а климат лучше (Турция, Египет, Таиланд, Камбоджа).

«Человеку экономическому» важнее всего доход, который он может получить в результате перемещения на новое место. Доходом может

быть что угодно — прибыль от банковских или торговых операций, наращивание промышленного капитала, рост заработной платы, прибыли от продажи сельскохозяйственной продукции. Основным фактор, определяющий перемещение «человека экономического», — экономико-географическое положение. Понятие экономико-географического положения было предложено классиком советской экономической географии Н. Н. Баранским в межвоенное время и с тех пор его определение не менялось — это положение объекта в географическом пространстве относительно других объектов. В данном случае в результате перемещения «человек экономический» улучшает свое положение в сравнении с теми, кто остается на прежнем месте жительства.

«Человеку социальному» важна самореализация в выбранном им направлении деятельности вне зависимости от того, какие доходы эта самореализация принесет или каких расходов потребует. Основным фактором, определяющим перемещение «человека социального», является ранее сформировавшаяся социальная среда. Чем более мощная и разветвленная эта среда, тем более притягателен для «человека социального» обладающий ею регион.

Для «человека политического» наибольшее значение имеют ресурсы, которыми обладает та политическая система (государство сообщество государств), к которой он принадлежит. Соответственно основная мотивация перемещений «человека политического» — контроль над природными ресурсами. Эти ресурсы не обязательно должны располагаться в пределах национальной территории, и контроль над ними может обеспечиваться самыми разными способами — экономическими, политическими, военными. Тот объем природных ресурсов, который контролируется определенным государством, и определяет в конечном итоге его политическое значение.

Выделить в чистом виде мотивацию «человека биологического», «человека социального», «человека экономического» и «человека политического» вряд ли возможно. Можно определить лишь преобладающие мотивы.

Чем ближе друг к другу расположены территории, наиболее привлекательные с точки зрения «человека биологического», «социального», «экономического» и «политического», тем более благоприятными являются пространственные предпосылки развития государства или региона, и тем более успешным — само это развитие. В качестве примера можно привести США, где самыми благоприятными природными условиями обладают побережья, здесь же располагается основная часть крупных городских агломераций, где формируется сложная структура социальной среды, эти же районы имеют самое выгодное экономико-географическое положение и здесь же чрезвычайно высока концентрация природных ресурсов.

В России такие районы разобщены. Самые благоприятные с точки зрения природных условий районы России — Северный Кавказ и

Крым, наиболее мощный «сгусток» городского населения — в Центральной России, самое выгодное экономико-географическое положение в современных условиях имеют приморские и приграничные регионы Европейской России и юга Дальнего Востока, а природные ресурсы сосредоточены в основном в Сибири и на севере Дальнего Востока.

Более подробное исследование причин формирования пространственной структуры общества и ее значения для социально-экономической географии, безусловно, очень интересно, но до сих пор оно не проводилось. Однако уже сейчас можно прийти к нескольким выводам. Во-первых, изучение пространственных закономерностей развития общества с позиций индивидуума и формируемого им геопространства позволяет отказаться от представлений о «мировой дихотомии», ярким проявлением которой является модель «центр — периферия». Центральными и периферийными для разных направлений деятельности могут быть как одни и те же, так и совершенно разные регионы и города.

Во-вторых, социально-экономическая география основное внимание должна уделять не процессам организации общества, в том числе и пространственной («все плохо, и только мы знаем, что надо сделать, чтобы мир изменился в лучшую сторону»), а пространственной самоорганизации (по аналогии с «природа знает лучше» — «люди знают лучше», перемещаются туда, куда им нужно, меняя или сохраняя пространственную структуру общества, и препятствовать им бессмысленно). Другими словами, развивать надо главным образом то, что развивается само.

В-третьих, государственные интересы, в том числе и в области пространственного развития, могут определяться только интересами его граждан. Попытки пойти наперекор естественным процессам на какое-то время могут увенчаться успехом, но затем все неизбежно вернется «на круги своя».

И в-четвертых, если СЭГ начнет заниматься пространственными проблемами как таковыми, то появится возможность выхода из нынешней кризисной ситуации. Если же по-прежнему будет «импортировать» результаты исследований из других наук, выдавая их за «новое слово в социально-экономической географии», то социально-экономическая география как наука может исчезнуть сначала фактически, а затем и формально, как уже исчез аналогичный по названию учебный предмет в подавляющем большинстве высших учебных заведений России и других постсоветских стран.

Список литературы

1. *Агирречу А.А.* Структура и динамика защит диссертаций по социально-экономической географии в России в 2000-е годы // Региональные исследования. 2014. №1 (43).
2. *Анучин В.А.* Теоретические проблемы географии. М., 1963.
3. *Баранцев Р.Г.* Бинарная наследственность, тернарные структуры, переходные слои // Синергетика : труды семинара. М., 2000. Т. 3 : материалы круглого стола «Самоорганизация и синергетика: идеи, подходы и перспективы».

4. *Берест А. А.* Катенарный парагенезис в ландшафтоведении: проблемы исследования // Вестник Тамбовского университета. Сер. Естественные и технические науки. 2010. № 1. С. 175—178.
5. *Бочарников В. Н.* Феномен гештальта в парадигме социально-экономической географии // Астраханский вестник экологического образования. 2012. № 3 (21).
6. *Грицай О. В., Трейвиш А. И.* Центр и периферия: стадийные концепции регионального развития // Изв. АН СССР. Сер. Геогр. 1990. № 4. С. 86—97.
7. *Котляков В. М., Преображенский В. С.* С чем мы подходим к рубежам нового века (о некоторых чертах менталитета отечественных географов) // Изв. РАН. Сер. Геогр. 1992. № 3.
8. *Культура Поволжья.* СПб., 2014.
9. *Культура Урала.* СПб., 2012.
10. *Маккиндер Х. Дж.* Географическая ось истории // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 162—169.
11. *Маккиндер Х.* Демократические идеалы и реальность // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 134—144.
12. *Мартынов В. Л.* Региональная политика в постсоциалистической Польше // Псковский регионологический журнал. 2010. № 10. С. 3—10.
13. *Мартынов В. Л.* Региональная структура экономики Северо-Запада России в начале XXI века // Региональные исследования. 2006. № 1. С. 63—70.
14. *Носонов А. М.* Концептуальные основы циклического развития // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14.
15. *Носонов А. М.* Методы географического прогнозирования // Там же. 2013. № 16.
16. *Носонов А. М.* Моделирование в социально-экономической географии // Там же. 2014. № 19.
17. *Носонов А. М.* Теории пространственного развития в социально-экономической географии // Там же. 2011. № 11.
18. *Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации* : стат. сб. М., 2014.
19. *Стругацкие А., Стругацкий Б.* Обитаемый остров. URL: <http://lib.ru/STRUGACKIE/ostrow2.txt> (дата обращения: 07.02.2015).
20. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Понедельник начинается в субботу // Собр. соч. М., 1992. Т. 2.
21. *Сухоруков В. Д.* Теория геопространственных систем. Смоленск, 2000.
22. *Тархов С. А.* Социально-экономическая география: ее сущность, предмет изучения и методы // Региональные исследования. 2013. № 3 (41).
23. *Чистобаев А. И.* Научные исследования и образование в области общественной географии: проблемы и задачи // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2012. № 1(1).
24. *Шарыгин М. Д.* Социально-экономическая география: традиции и современные тенденции развития // Географический вестник. 2011. № 1. С. 17—25.
25. *Шупер В. А.* Рационалистическое мировоззрение в условиях кризиса рационализма: взгляд географа // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3.
26. *XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза* : стенографический отчет. М., 1962. Т. 1.
27. *XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза* : стенографический отчет. М., 1966. Т. 1.

28. XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза : стенографический отчет. М., 1971. Т. 1.

29. XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза : стенографический отчет. М., 1976. Т. 1.

Об авторе

Василий Львович Мартынов, доктор географических наук, профессор кафедры экономической географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, С.-Петербург, Россия.

E-mail: martin-vas@yandex.ru

RUSSIAN SOCIO-ECONOMIC GEOGRAPHY: STATUS, CHALLENGES, PERSPECTIVES

V. Martynov*

* *Alexander Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika River embankment, Saint Petersburg 191186, Russia*

Submitted on January 12, 2015

The socio-economic geography studies the processes, characteristics and patterns of spatial development. In the recent decades, however, this area of scientific investigation has failed its promise, which happened for a number of external and internal reasons. The main external reason is the development of "consumer society", which does not require the search of new space and therefore ignores the "spatial" science, geography. Internal reason is the blurring of socio-economic geography along the variety of new lines of research. The discipline was, in many ways, redundant, and unselective in the application of theoretical and methodological tools liberally borrowed from other branches of both geography and economics. The only way this discipline can return to its former glory is by going all the way back to doing proper spatial research.

Key words: socio-economic geography, crisis, sustainable development, «consumer society», regional economy, «core — periphery», geopolitics, geospace.

References

1. Agirrechu, A. A. 2014, Struktura i dinamika zashhit dissertacij po social'no-jekonomicheskoj geografii v Rossii v 2000-e gody [Structure and dynamics of a thesis on the social and economic geography in Russia in the 2000s], *Regional'nye issledovanija* [Regional studies], no. 1 (43), p. 152—153.
2. Anuchin, V. A. 1963, Teoreticheskie problemy geografii [Theoretical problems of geography], Moscow, p. 198.

3. Barantsev, R. G. 2000, Binarnaja nasledstvennost', ternarnye struktury, peregodnye sloi [Binary heredity, ternary structure transition layers], *Sinergetika. Trudy seminar, T. 3: materialy kruglogo stola «Samoorganizacija i sinergetika: idei, podhody i perspektivy»* [Synergetics. Proceedings of the Seminar, Vol. 3: The materials of the round table "Self-organization and synergy: ideas, approaches and perspectives"], Moscow, MSU, p. 353.

4. Berest, A. A. 2010, Katenarnyj paragenezis v landshaftovedenii: problemy issledovanija [Catenary paragenesis in landscape: the research problem], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija Estestvennye i tehniczeskie nauki* [Vestnik Tambov University. A series of natural and technical sciences], no. 1, p. 175—178.

5. Bocharnikov, V. N. 2012, Fenomen geshtal'ta v paradigme social'no-jekonomicheskoj geografii [Gestalt phenomenon in the paradigm of social and economic geography], *Astrahanskij vestnik jekologicheskogo obrazovanija* [Astrakhan Vestnik Environmental Education], no. 3 (21), p. 61.

6. Gritsay, O. V., Treyvish, A. I. 1990, Centr i periferija: stadial'nye koncepcii regional'nogo razvitija [Centre and Periphery: stadial concept of regional development], *Izvestija AN SSSR. Serija. Geografija* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Series Geography], no. 4, p. 86—97.

7. Kotlyakov, V. M., Preobrazhenskiy, V. S. 1992, S chem my podhodim k rubezham novogo veka (o nekotoryh chertah mentaliteta otechestvennyh geografov) [What we approach the turn of the century (some features of the mentality of Russian geographers)], *Izvestija AN SSSR. Serija. Geografija* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Series Geography], no. 3, p. 5.

8. *Kul'tura Povolzh'ja* [Culture of the Volga], 2014, Saint Petersburg, 260 p.

9. *Kul'tura Urala* [Culture Urals], 2012, Saint Petersburg, 173 p.

10. Mackinder, H. J. 1995, Geograficheskaja os' istorii [Geographical Pivot of History], *Polis*, no. 4, p. 162—169.

11. Mackinder, H. 2011, Demokraticzeskie idealy i real'nost' [Democratic Ideals and Reality], *Polis*, no. 2, p. 134—144.

12. Martynov, V. L. 2010, Regional'naja politika v postsocialisticheskoy Pol'she [Regional policy in the post-socialist Poland], *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov regionologicheskij Journal], no. 10, p. 3—10.

13. Martynov, V. L. 2006, Regional'naja struktura jekonomiki Severo-Zapada Rossii v nachale XXI veka [Regional structure of the economy of the North-West of Russia at the beginning of the XXI century], *Regional'nye issledovanija* [Regional studies], no. 1, p. 63—70.

14. Nosonov, A. M. 2012, Konceptual'nye osnovy ciklicheskogo razvitija [Conceptual framework of cyclical development], *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov regionologicheskij Journal], no. 14.

15. Nosonov, A. M. 2013, Metody geograficheskogo prognozirovanija [Methods geographic prediction], *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov regionologicheskij Journal], no. 16.

16. Nosonov, A. M. 2014, Modelirovanie v social'no-jekonomicheskoj geografii [Modeling in the socio-economic geography], *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov regionologicheskij Journal], no. 19.

17. Nosonov, A. M. 2011, Teorii prostranstvennogo razvitija v social'no-jekonomicheskoj geografii [Theories of spatial development in the socio-economic geography], *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov regionologicheskij Journal], no. 11.

18. *Regiony Rossii. Osnovnye harakteristiki subektov Rossijskoj Federacii* [Regions of Russia. The main characteristics of the Russian Federation], 2014, statistical compilation, Moscow.

19. Strugatsky, A., Strugatsky, B. *Obitaemyj ostrov* [Inhabited Island], available at: <http://lib.ru/STRUGACKIE/ostrow2.txt> (accessed 12.12.2014).
20. Strugatsky, A., Strugatsky, B. 1992, *Ponedel'nik nachinaetsja v subbotu* [Monday begins on Saturday], Moscow.
21. Sukhorukov, V.D. 2000, *Teorija geoprostranstvennyh sistem* [Geospatial Systems Theory], Smolensk, 192 p.
22. Tarhov, S.A. 2013, Social'no-jekonomicheskaja geografija: ejo sushhnost', predmet izuchenija i metody [Socio-economic geography: its essence, the subject matter and methods], *Regional'nye issledovanija* [Regional studies], no. 3 (41), p. 12.
23. Chistobaev, A.I. 2012, Nauchnye issledovanija i obrazovanie v oblasti obshhestvennoj geografii: problemy i zadachi [Research and education in the field of human geography: challenges], *Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshhestvovedov. Social'no-jekonomicheskaja geografija* [Bulletin of the Association of Russian geographers, social scientists. Social and economic geography], no. 1(1), p. 22.
24. Sharygin, M.D. 2011, Social'no-jekonomicheskaja geografija: tradicii i sovremennye tendencii razvitija [Socio-economic geography: tradition and modern trends], *Geograficheskij vestnik* [Geographic Vestnik], no. 1, p. 17—25.
25. Shuper, V.A. 2014, Racionalisticheskoe mirovozzrenija v uslovijah krizisa racionalizma: vzgljad geografa [Rationalist ideology in a crisis of rationalism: a geographer's view], *Social'no-jekonomicheskaja geografija. Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshhestvovedov* [Socio-economic geography. Bulletin of the Association of Russian geographers, social scientists], no. 3, p. 25.
26. *XXII sezd Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza* [XXII Congress of the Communist Party of the Soviet Union], 1962, verbatim report, T. 1, Moscow, p. 17.
27. *XXIII sezd Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza* [XXIII Congress of the Communist Party of the Soviet Union], 1966, verbatim report, T. 1, Moscow, p. 19.
28. *XXIV sezd Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza* [XXIV Congress of the Communist Party of the Soviet Union], 1971, verbatim report, T. 1, Moscow, p. 26.
29. *XXV sezd Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza* [XXV Congress of the Communist Party of the Soviet Union], 1976, verbatim report, T. 1, Moscow, p. 27.

About the author

Prof. Vasilii Martynov, Dept. of Economic Geography, Russian State Pedagogical University “A. I. Herzen”, St. Petersburg, Russia.
E-mail: martin-vas@yandex.ru